

АНАСТАСИЯ
ЛОГИНОВА

СЛЕЗЫ
ЧЕРНОЙ ВДОВЫ

Издательство АСТ
Москва

Пролог

1891 год, Российская империя, Выборгская губерния

— Ну, гляди, что ты натворила! Сколько крови! Весь паркет в крови, вся комната! Что теперь станешь делать?!

Отец стоял над нею, заложив, как всегда, руки в карманы, и наблюдал сверху вниз, будто Светлана опять была маленькой неразумной девочкой.

— Я... я не знаю, — простодушно ответила она. Потом еще раз посмотрела на свои руки, перепачканные свежей кровью, и в отчаянии подняла глаза на отца: — Это не я. Это, наверное, не я... Я не могла!

А отец усмехнулся — жестоко, свысока, словно пригвоздив ее этим смешком к полу.

— Себе-то не лги, милая, — он опустился возле Светланы на корточки, поднял с пола револьвер и вложил в ее руку. — Ты могла. Ты вполне могла.

Потом отец ушел, а Светлана осталась в этой страшной комнате одна — перепачканная в крови и сидящая на полу возле тела своего мертвого мужа.

Глава 1

Надя Шелихова, младшая сестра графини Раскатовой, напряженно вглядывалась за стекло, за поворот поселковой дороги, и в нетерпении своем прикусывала губу чуть не до крови. Оттуда, из-за поворота, вот-вот, каждую секунду, могла вынырнуть полицейская карета, и Надя отчего-то боялась этот момент пропустить.

Сестра ее тоже находилась в столовой, Надя краем глаза видела, как Светлана, натянутая будто струна, сидит и смотрит в противоположную стену. В руках она сжимала дымящуюся чашку с кофе и, время от времени вспоминая о ней, вдруг отпивала с совершенно неуместным удовольствием. Светлана вообще выглядела удивительно спокойной.

— Едут, — воскликнула наконец Надя и разволновалась еще больше. Ее бросало то в жар, то в холод, как при лихорадке. Она порывисто обернулась к сестре: — Светлана, едут! Это полиция, должно быть!

— Быть того не может, чтобы полиция так скоро явилась, — невозмутимо отозвалась сестра и снова отпила кофе. — Это Гриневские, я послала к ним, едва рассвело.

Впрочем, Надя уже и сама удостоверилась, что сестра права. Как всегда. Темное пятно на дороге приобрело

очертания запряженного парой гнедых ландо, в котором обычно объезжала свои владения Гриневская, подруга Надиной сестры и хозяйка всего поселка Горки, где вот уже которое лето подряд снимала дачу графиня. Однако сегодня подле Гриневской сидел и ее супруг.

— И как только ты можешь быть такой спокойной, Светлана! — упрекнула Надя, досадливо отходя от окна. — Твой муж лежит мертвый в библиотеке, а ты пьешь кофе, будто ничего не случилось!

— А что прикажешь мне делать — истерить, как ты? Сядь и не мельтеши, бога ради!

Надя без слов присела на краешек стула, опустила взгляд и принялась теревить кружево на юбке. Вот так всегда: сестра не стеснялась в выражениях в ее адрес. И правда, кто она, Надя, в этом доме? Приживалка, тяжкий крест, который великодушная графиня Раскатова взвалила на себя, обязавшись устроить Надину жизнь. И права голоса она здесь не имеет — Надя давно к этому привыкла.

— Прости, Надюша, сорвалась... — извинилась все же Светлана. — Шла бы ты лучше к себе, право слово.

Надя украдкой подняла на нее глаза и подумала, что, несмотря на внешнее спокойствие, сестра все же крайне вымотана случившимся.

Еще бы, ведь всего несколько часов назад Светлана сама нашла в библиотеке тело мужа. Сестра, стоящая подле него на коленях, была так бледна, что Надя в первый момент подумала, что мертвы они оба. Но потом Светлана прошептала:

— Господи боже... что я наделала...

И посмотрела на свои перепачканные кровью руки.

А теперь эта же самая Светлана спокойно пила кофе и упрекала Надю за истерику.

— Позволь мне все же остаться, не прогоняй, — несмело попросила Надя, потому как сидеть в одиночестве,

в доме с мертвецом, ей до ужаса не хотелось. Но и признаваться в своих страхах хотелось не больше. Потому Надя нашлась: — Я люблю тебя и желаю помочь — ведь ты моя сестра!

— Ну как ты можешь помочь, дуручка? — Светлана произнесла это почти ласково, так, что Надя даже не обиделась в этот раз на «дуручку».

Подумав немного и набравшись храбрости, Надя перезала на месте, чуть развернулась к сестре и, заглядывая ей в глаза, спросила:

— Светлана, а что все-таки произошло ночью... в библиотеке?

И тотчас, не успев даже договорить, она пожалела о своем вопросе, поскольку взгляд Светланы, только что снисходительно-ласковый, теперь, как острая спица, пронзил все существо Нади. Она опять сжалась, готовая слушать в свой адрес порцию новых оскорблений.

Однако сестра с обманчивым спокойствием отозвалась лишь:

— Ты разве чего-то не разглядела в библиотеке, сестрица? Может, за доктором пора посылать да зрение тебе проверить?

После этого в столовой долго висела тишина, которую нарушил только бой напольных часов из библиотеки — било девять. Надя пыталась осмыслить сказанное сестрой и все не решалась поверить. А Светлана, едва часы затихли, с громким звоном поставила чашку на блюдце, резко встала и отвернулась, уронив лицо в ладони.

Надя решила, что она плачет.

— Так, значит, это действительно ты... убила Павла Владимировича, — сказала она едва слышно и судорожно сглотнула.

А сестра, оторвав руки от лица, бросила ей очередной колючий взгляд:

— Да, Надюша, вот полиция приедет — так им и скажешь! Меня тогда сразу на каторгу, а тебя — на улицу, под забор, вышвырнут. Достойное окончание рода Шелиховых, и говорить нечего!

— Так что же нам делать?.. — прошелестела Надя, всерьез обдумывая эту перспективу.

— Что делать, что делать... Уж точно не кудахтать, как курица, и не мямлить. Ничего, в полиции тоже люди служат. И не просто люди, а мужчины — договоримся.

С этими словами Светлана, уже справившись с той минутной слабостью, подошла к настенному зеркалу и начала приводить себя в порядок. Поправила непослушную прядь у виска, дотронулась пальцами до лица, будто проверяя — все так же оно совершенно в своей красоте? И оттянула корсаж платья, у которого был и без того неподходящий для утреннего туалета вырез.

Женщины красивее своей сестры Надя никогда не встречала. Высокая, стройная, со столь царственной посадкой головы, что неуклюжая и нескладная Надя иногда сомневалась: впрямь ли они родные сестры? Нет, схожесть меж ними, конечно, была: обе имели водянисто-зеленые глаза, «русалочки», как называл их папенька, и копну пышных, чуть выющихся волос — темнее у Светланы и светлее у Нади. Вот только если каждая черта лица Светланы была вылеплена с любовью и старанием искусной рукой скульптора, то над лицом Нади этому скульптору трудиться было явно лень, и он, оставив по-детски пухлые щеки, грубоватый нос и вялый подбородок, решил, должно быть, что довольно и этого.

Повернув кофейник так, чтобы ее лицо не отражалось в серебре, Надя вздохнула. Не то чтобы она была дурнушкой — совсем нет, не будь рядом Светланы, ее, возможно, даже сочли бы хорошенькой. Из-за глаз хотя бы. Но, будучи в тени Светланы, выделиться ей нет никакой возможности... Это при том, что сестре было уже двад-

цать восемь, а семнадцатилетней Наденьке эта цифра казалась очень и очень почтенным возрастом. К примеру, Гриневскую, ровесницу Светланы, Надя вполне серьезно считала женщиной в годах.

— Напрасно ты позвала Гриневских, — тотчас, едва о них вспомнила, сказала Надя, — не нравятся они мне. Оба.

— А разве тебе вообще кто-нибудь нравится, Надюша? — заметила сестра, продолжая поправлять прическу. — Алина моя лучшая подруга, единственная даже, если быть точнее. А Сергей Андреевич... он умный человек и обязательно подскажет, что делать.

Надя же еще раз покосилась на декольте платья сестры и даже фыркнула. Будто она совсем маленькая и не понимает, что эта «лучшая подруга» для Светланы лишь неприятное дополнение к «умному человеку» Сергею Андреевичу.

Словно в ответ на ее мысли, за дверью послышались громкие голоса и шаги, а после, отгесняя экономку, в столовую ворвались Гриневские, чрезвычайно взволнованные.

— Светлана, друг мой, ты так напугала нас своей запиской! — Гриневский, не здороваясь и не обращая внимания на Надю, через всю столовую бросился к ее сестре, с ходу припадая к ручке. — Что стряслось, *ma chère*?¹

Законная же его супруга волнения проявила куда меньше. Кивнула Наде в ответ на ее книксен, после чего молча стала у камина, не торопя никого с расспросами.

Алевтина Денисовна Гриневская, которая предпочитала, чтобы ее называли Алиной, была худой, как жердь, с некрасивым веснушчатым лицом — она и впрямь выглядела отчего-то куда старше своих лет. Надя не любила

¹ Моя дорогая (*фр.*). (Здесь и далее прим. авт.)

эту женщину и почему-то побаивалась. Она казалась ей ведьмой, сбежавшей с шабаша: слишком странная, слишком догадливая и слишком себе на уме. Сходство с ведьмой дополняли огненно-рыжие волосы, которые Алина никогда не могла толком прибрать — именно такими избражались ведьмы на иллюстрациях в сказках, которые давным-давно читал Наде папа.

Муж Гриневской — Сергей Андреевич, — напротив, мужчина был весьма привлекательный. Высокий, статный, с густыми темными волосами. Стариком, под стать жене, он Наде не казался, хотя она и видела, что он всегда надевает очки, когда берет книгу. Но все же она не понимала, что Светлана находит в этом мужчине. Должно быть, она просто смеется над ним, ведь Наде прекрасно было известно, какие достойные молодые люди увивались за ее красавицей сестрой в Петербурге.

Наде Гриневский казался человеком неинтересным и глупым, несмотря на убежденность Светланы в обратном. Она разглядывала гостей, пока те наперебой выспрашивали у Светланы подробности случившегося — на Надю они внимания не обращали: младшая сестра Светланы никогда никого не интересовала.

— Ты уже послала за полицией?! — с оттенком ужаса в голосе переспросил Гриневский и нервно заходил по комнате. — Напрасно, совершенно напрасно..

— Не я, так кто-нибудь другой бы позвал, — поморщилась сестра, — такого не утаишь.

— Можно было что-то придумать!

— Что придумать? В погребе его закопать?!

— Все лучше, чем звать сюда полицию!

— Что уж теперь говорить — дело сделано... — разумно заметила Алина. — Надобно думать, как быть дальше. Светлана, ma chère, где все случилось?

— В библиотеке...

— Я взгляну, — не дожидаясь позволения, Гриневский, нервничающий отчего-то больше всех, бросился вон из столовой.

В доме он бывал достаточно часто, чтобы знать расположение комнат, так что в провожатом не нуждался. Дамы не слишком охотно, но все же двинулись за ним. А Надя осталась.

Она заходила уже в библиотеку, видела все, и у нее не было никакого желания вновь переносить эти ужасы. И без того перед глазами стояла та картина: муж Светланы, граф Павел Владимирович, лежащий на полу с простреленной грудью в луже собственной крови. А над ним Светлана — бледная, растрепанная, с сумасшедшими глазами. Что меж ними произошло? Поссорились? Должно быть, так и есть...

Но стоять в неожиданно опустевшей столовой тоже оказалось неудобно. Поежившись, Надя решила и тихонько вышла, чтобы, преодолев гостиную и музыкальный салон, притаиться у рояля, откуда и голоса в библиотеке были слышны, и тела несчастного графа не видно.

— Кто-нибудь еще сюда входил? — сразу услышала Надя вопрос Гриневского.

— Никто, я сразу заперла дверь и ключ никому не отдавала, — уверенно отозвалась сестра.

— А кто еще есть в доме, кроме вас с Надей?

— Никого, — излишне поспешно отозвалась Светлана, — только прислуга, разумеется.

— Прислуга... — повторил Гриневский задумчиво, — Светлана, а в доме ничего не пропало, ты проверяла?

— Ничего я не проверяла! Не до того мне было! — По раздраженному ее тону Надя поняла, что сестра уж сама жалеет, что позвала этого «умного человека».

— Серж, в самом деле, что ты говоришь? — упрекнула мужа и Гриневская, — по-твоему, слуги ограбили

дом, убили хозяина и остались на местах?! Ведь все на местах?

— Да, кажется... — Светлане явно не нравился этот разговор. — Это абсурд, мои слуги здесь ни при чем.

Наде же это абсурдом не казалось, и она начала припоминать, как косо посмотрел на нее Петр давеча, когда она возмутилась, что он неровно правит коляской, пока вез ее в аптеку. Он явно затаил на нее зло тогда... А Василиса, экономка, с такой любовью натирает всегда столовое серебро, будто это ее собственность. К тому же Алена, Надина горничная, рассказывала, как два года назад в соседней деревне вот точно так же один крестьянин убил управляющего именем...

— В столовой-то убирать прикажете, барышня? — Надя вздрогнула, потому что это спросила Василиса, тихонько подкрававшаяся.

— Ах, не до тебя, право... — поморщилась Надя, — убирай, если угодно, мне все равно.

Василиса имела наглость покачать головой, будто еще и осуждала ее, но ушла наконец. А Надя принялась размышлять дальше.

Другой прислуги, кроме Петра, Василисы и Алены, на даче не было — да и эти местные, круглый год живут здесь, присматривают за домом и, должно быть, считают себя хозяевами.

Тем временем Гриневские со Светланой покинули библиотеку: Светлана была бледна, почти как в тот раз, Алина мрачнела и становилась еще некрасивее, а Гриневский глупо хлопал глазами, качал головой и все вздыхал беспрестанно. Однако они не успели даже сесть, как навстречу выбежала с перепуганными глазами Василиса.

— Барыня! — заголосила она, хватаясь за голову. — Барыня, там полиция! На черной большой карете! У ворот уже почти... что делать-то?